

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/64/9

И.Ф. Гнюсова

МЕЖДУ СМИРЕНИЕМ И СТРАСТЬЮ: «МЕЛЬНИЦА НА ФЛОССЕ» ДЖОРДЖ ЭЛИОТ И «ВОЙНА И МИР» Л.Н. ТОЛСТОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯСНОПОЛЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ)

Исследуются пометы Л.Н. Толстого в романе Дж. Элиот «Мельница на Флоссе». Материалом служит издание из яснополянской библиотеки. Доказывается, что внимание Толстого к проблеме смирения юной героини находит отражение в романе «Война и мир». Сопоставляются ключевые образы произведений Толстого и Элиот и связанные с ними «узловые» ситуации, выявляется сходство приемов психологического анализа. Установлено, что важным основанием для сравнения стала книга Фомы Кемпийского.

Ключевые слова: Дж. Элиот, Л.Н. Толстой, «Война и мир», яснополянская библиотека, Фома Кемпийский, смирение.

«Мельница на Флоссе» (1860) – одно из самых известных произведений Джордж Элиот, вершина первого периода ее творчества. История публикации романа в России также свидетельствует о его популярности: до революции «Мельница на Флоссе» выдержала 15 изданий, среди которых были и адаптации для детей, – рекордное число по сравнению с другими произведениями Элиот¹. К числу внимательных читателей романа принадлежал и Лев Толстой: в яснополянской библиотеке хранится издание «The Mill on the Floss» на английском языке с пометами писателя. Цель настоящей работы – проанализировать отчеркнутые Толстым фрагменты и выяснить, какое место занимает знакомство с романом Элиот в истории создания «Войны и мира».

Как и большинство книг английских писателей в библиотеке Толстого, «Мельница на Флоссе» была выпущена в Лейпциге издательством Бернгарда Таухница в серии «Собрание британских и американских авторов» [1]. Стоит отметить, что к моменту выхода второго своего романа Элиот уже была признанным автором: сразу после публикации в Англии «Мельницу на Флоссе» переиздали в нескольких странах, включая Россию. Первый перевод романа был напечатан в приложении к журналу «Отечествен-

¹ Показательно и то, что, несмотря на крайне малый интерес к творчеству Джордж Элиот в советские годы, современный перевод «Мельницы на Флоссе» был создан еще в 1963 г. (самый известный роман писательницы, «Мидлмарч», был заново переведен на двадцать лет позже).

ные записки» за 1860 г., к этому же году относится издание, купленное Толстым.

Писатель впервые упоминает о знакомстве с творчеством Джордж Элиот в письмах и дневнике за 1859 г.: в июне он читает «Сцены из клерикальной жизни», в октябре – роман «Адам Бид». К какому времени относится знакомство с «Мельницей на Флоссе», установить невозможно: в 1860–1861 гг. Толстой путешествует по Европе и перестает делать регулярные записи в дневнике. Нет упоминаний о романе и в его письмах. Однако не менее ценной является работа писателя с текстом оригинального произведения¹. Все шесть помет находятся во втором томе издания и представляют собой вертикальные карандашные подчеркивания отдельных фрагментов текста. Фактически они объединены общей темой: это спор о необходимости самоотречения и непреложного следования своему долгу. Такую позицию отстаивает главная героиня – Мэгги Талливер, один из самых ярких образов в творчестве Джордж Элиот.

Известно, что «Мельница на Флоссе» – роман во многом автобиографический. Как пишет Летиция Купер, события и героев для него Элиот «напрямую берет из своего собственного детства и юности» [2. Р. 16]. Поэтому образ страстной, живой, жаждущей любви Мэгги Талливер, по сути, отражает характер самой писательницы.

Значительную часть романа занимает описание детства Мэгги и ее брата Тома. С самого начала повествования Элиот показывает несоответствие юной героини своему окружению: отец говорит о том, что она «слишком смышленная для женщины» [3. С. 14], а мать называет ее упрямой и «дикаркой». Первая же реплика героини в тексте романа сопровождается знаковой ремаркой: «со страстным протестом в голосе воскликнула Мэгги» [Там же. С. 15]. Почти все свое детство она находится в состоянии бунта против ограниченности и косности своих родных и их попыток удержать ее в границах должной благовоспитанности. Но уже в этот ранний период в Мэгги проявляется и глубоко чувствительная совесть и «способность к самобичеванию» [Там же. С. 57]. Негодуя на жестокость и ограниченность горячо любимого старшего брата, она на протяжении всего романа будет признавать его право на превосходство.

Однако внимание Толстого было приковано не к этой части романа – его пометы относятся к тем главам, которые повествуют о жизни Мэгги после постигшего семью удара: отец разоряется, а мельница переходит в руки ненавидимого им юриста Уэйкема. Бедная и беспросветная жизнь, отсутствие душевного тепла и вообще какого-либо общества заставляют Мэгги искать утешения в религии. Самоотречение и смирение становятся ее спасением, но все меняет новая встреча с Филипом Уэйкемом, который много лет назад увидел в Мэгги родственную душу. Именно две его ре-

¹ Поскольку работа по библиографическому описанию книг из яснополянской библиотеки была начата еще личным секретарем Толстого В.Ф. Булгаковым, принадлежность маргиналий в них определена с высокой степенью достоверности.

плики, произнесенные в попытке разубедить героиню, Толстой отмечает на полях книги¹.

– О, Мэгги, – с жаром произнес Филип, – вы заключаете себя в стены узкого фанатизма и только обманываете сами себя, потому что этим путем избежать страданий можно, лишь притупив все лучшие способности, дарованные вам природой. Радость и мир – не в смирении: смирение – это добровольное приятие боли, которая не утихает и – вы это знаете – никогда не утихнет. Не смирение, а атрофия чувств и мыслей – вот к чему может привести ваше желание ничего не знать, закрыть все пути, которые позволили бы вам познакомиться с окружающей жизнью. Я не хочу смирения: боюсь, жизнь слишком коротка, чтобы выучить этот урок. И вы, Мэгги, вы тоже не достигли смирения, вы просто пытаетесь усыпить свой ум и сердце [3. С. 397–398]².

<...>

– Нет, Мэгги, никому не дано сил делать то, что противно природе. Искать спасения в бестве от всех и вся – не что иное, как трусость. Так не закалить свой характер [Там же. С. 399]³.

Вторую реплику Филипа Толстой выделяет не полностью, хотя дальше герой предсказывает, к чему может привести (и в самом деле приводит позднее) насильственное подавление Мэгги своего характера: «В один прекрасный день вам придется окунуться в жизнь, и тогда каждый зов вашей натуры, на который вы сейчас отказываетесь откликнуться хоть чем-нибудь, станет терзать вас, как лютей голод» [Там же. С. 399–400]. После года тайных встреч с Филипом, который дает героине книги и пытается расширить ее кругозор, Мэгги вновь вынуждена отречься от открывшихся ей радостей: брат заставляет ее прекратить общение с сыном их врага и обидчика, отец умирает, а Мэгги отправляется преподавать в школу для девочек. Вернувшись в город, героиня оказывается в центре светской жизни и против собственной воли увлекается блестящим молодым человеком Стивеном Гестом, ухаживающим за ее кузиной Люси. Пытаясь бороться с охватившим ее чувством, Мэгги решает уехать обратно в школу, и в этот

¹ Текст романа, помеченный Толстым, в тексте статьи приводится в переводе Г. Островской и Л. Поляковой, выполненном в 1963 г. и использованном издательством «Азбука» для публикации романа в 2014 г.

² “Yes, Maggie,” said Philip, vehemently; “and you are shutting yourself up in a narrow, self-delusive fanaticism, which is only a way of escaping pain by starving into dulness all the highest powers of your nature. Joy and peace are not resignation; resignation is the willing endurance of a pain that is not allayed, that you don’t expect to be allayed. Stupefaction is not resignation; and it is stupefaction to remain in ignorance, – to shut up all the avenues by which the life of your fellow-men might become known to you. I am not resigned; I am not sure that life is long enough to learn that lesson. You are not resigned; you are only trying to stupefy yourself” [1. Vol. 2. P. 80].

³ “No, you will not, Maggie; no one has strength given to do what is unnatural. It is mere cowardice to seek safety in negations. No character becomes strong...” [Ibid. P. 82].

момент вновь встречает Филипа. Третий отрывок, отмеченный Толстым, прямо корреспондирует с предыдущими репликами героя:

– *Вы опять возвращаетесь к прежней мысли, Мэгги, – правда, облекая ее в новую форму – к той мысли, против которой я всегда восставал, – сказал Филип с оттенком горечи. – Вы боитесь страдания и ищете покоя в самоотречении, а это значит – искалечить и изуродовать себя. Что было бы со мной, попытайся я избежать страданий? Мне оставалось бы только призвать на помощь презрение и цинизм, если бы, конечно, я не впал в своего рода манию величия, вообразив, что коль скоро я нелюбим людьми, я любимец небес* [3. С. 503]¹.

В четвертой реплике, отчеркнутой Толстым в той же главе, содержится признание Мэгги того, что Филип был прав в своих прежних предостережениях:

– *<...> Если бы вы всегда были со мной, чтобы бранить и поучать меня! Как много сбылось из того, что вы мне предсказывали!*

Мэгги, пока говорила, облокотилась на стол и, опустив голову на руки, смотрела на Филипа с виноватой нежностью, как бы признавая его превосходство; он ответил ей взглядом, выражение которого постепенно обрело для нее свой смысл: ей показалось, что в нем сквозит понимание... Неужели же Филипу удалось проникнуть в то, что сейчас вспомнилось ей? В то, что было связано с возлюбленным Люси? Эта мысль заставила Мэгги содрогнуться, ибо внесла ясность в ее положение и поновому осветила все происшедшее накануне вечером [Там же. С. 504]².

В этом отрывке акцентирован и еще один важный момент: именно Филип становится нравственным ориентиром для Мэгги, ее второй совестью. На протяжении периода мучительной борьбы с «великим искушением» (так озаглавлена шестая часть романа) она постоянно находит новые силы,

¹ “Now you are returning to your old thought in a new form, Maggie, – the thought I used to combat,” said Philip, with a slight tinge of bitterness. “You want to find out a mode of renunciation that will be an escape from pain. I tell you again, there is no such escape possible except by perverting or mutilating one’s nature. What would become of me, if I tried to escape from pain? Scorn and cynicism would be my only opium; unless I could fall into some kind of concealed madness, and fancy myself a favorite of Heaven because I am not a favorite with men” [1. T. 2. C. 198].

² “<...> I had need have you always to find fault with me and teach me; so many things have come true that you used to tell me”.

Maggie was resting her elbow on the table, leaning her head on her hand and looking at Philip with half-penitent dependent affection, as she said this; while he was returning her gaze with an expression that, to her consciousness, gradually became less vague, – became charged with a specific recollection. Had his mind flown back to something that she now remembered, – something about a lover of Lucy’s? It was a thought that made her shudder; it gave new definiteness to her present position, and to the tendency of what had happened the evening before [1. T. 2. C. 199].

думая о Филипе. И именно долг перед ним и кузиной Люси – двумя любящими ее людьми – не позволяет героине стать женой Стивена Геста даже в отчаянных обстоятельствах, когда тот увозит ее на лодке из родного города. Пятый отрывок, очерченный Толстым, является частью финального спора Мэгги со Стивеном, когда героиня вынуждена защищать свои нравственные идеалы вопреки голосу сердца:

– Это неверно, Стивен, – я убеждена, что это неверно. Я без конца думала об этом и поняла, что если бы мы так судили, любое предательство и жестокость имели бы право на существование: мы оправдали бы нарушение самых священных уз. Раз прошлое не связывает нас, в чем же тогда наш долг? Если бы вы были правы, на земле не знали бы иного закона, кроме мгновенных прихотей страсти [3. С. 582]¹.

Мэгги возвращается назад и принимает на себя весь позор за это кратковременное бегство. Брат отрекается от нее, в городе никто не желает общаться с ней, ей не дают никакой работы. Обобщая мучительное положение героини, Элиот размышляет о том, что «никто из людей, способных осознать всю сложность борьбы между страстью и долгом, не в силах точно указать тот миг, когда человек теряет последнюю возможность отринуть свою греховную страсть и предается ей целиком и безвозвратно, ибо нет закона, который можно было бы применить ко всем случаям» [Там же. С. 607]. Этот пассаж завершается словами, которые и представляют шестую, и последнюю, помету Толстого в тексте романа:

Во всем, касающемся сферы нравственной жизни, мы неизбежно придем к заключениям поверхностным и ложным, если не будем постоянно держать в центре внимания те особые обстоятельства, которые отличают жизнь данного человека [Там же]².

Год, когда Толстой, вероятно, познакомился с «Мельницей на Флоссе», 1860-й, был знаковым для писателя: именно к этому периоду относится появление замысла будущего романа-эпопеи «Война и мир». В марте 1861 г. в письме к А.И. Герцену Толстой сообщает, что «затял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист» (60, 374)³. Хотя концепция произведения значительно изменилась впоследствии и активная работа над «Войной и миром» началась только в

¹ “It is not so, Stephen; I’m quite sure that is wrong. I have tried to think it again and again; but I see, if we judged in that way, there would be a warrant for all treachery and cruelty; we should justify breaking the most sacred ties that can ever be formed on earth. If the past is not to bind us, where can duty lie? We should have no law but the inclination of the moment” (287).

² <...> the truth, that moral judgments must remain false and hollow, unless they are checked and enlightened by a perpetual reference to the special circumstances that mark the individual lot [1. Т. 2. С. 316].

³ Здесь и далее ссылки на Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого [4] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.

1863 г., знакомство Толстого с «Мельницей на Флоссе» и интерес писателя к проблематике романа Элиот дает основание для сопоставления его с «Войной и миром».

Мотив борьбы между смирением и страстью, самоотречением и жаждой земного счастья, долгом и зовом сердца, который Толстой последовательно акцентирует во время чтения «Мельницы на Флоссе», реализуется в «Войне и мире» в трех ключевых образах: Пьера Безухова, княжны Марьи и Наташи Ростовой. То, что составляет суть характера Мэгги Талливер, – горячая, страстная натура, глубокая преданность родным и своим собственным нравственным законам, а также постоянная саморефлексия – оказывается рассредоточено в этих толстовских образах. Первый из них – это, конечно, Наташа Ростова – непосредственная, искренняя, живая, неспособная удержаться в каких-то границах. Второй – княжна Марья как воплощение самоотречения и смирения, под которым, однако, скрывается жажда земного счастья. И третий – Пьер Безухов, искренний, немного наивный герой с добрым сердцем, который после череды ошибок и заблуждений мучительно ищет путь самосовершенствования.

Сопоставить образы Мэгги и Пьера представляется особенно любопытным, поскольку их истории содержат общий сюжетный элемент: прозрение и обращение к новой духовной доктрине в мучительный период кризиса. После дуэли с Долоховым герой Толстого разочарован в своей прежней жизни, остро ощущает ее бессмысленность и пустоту. Сидя на станции по дороге из Москвы в Петербург, он перебирает в уме одни и те же вопросы: «Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть?» (10, 65). Его главное чувство в этот момент – отвращение: «...все в нем самом и вокруг него представлялось ему запутанным, бессмысленным и отвратительным» (10, 66).

В похожем состоянии находится и Мэгги после разорения отца, когда для нее наступил период «унылого, беспросветного однообразия» [З. С. 333], «не сулящего ничего впереди» [Там же. С. 332]. В один из таких дней героиня находилась «в еще более угнетенном состоянии, чем обычно» [З. С. 339], ее «сильнее томили одиночество и жажда радости» [Там же. С. 345], острее мучил «духовный голод» [Там же. С. 333]: «она хотела найти ключ, который помог бы ей понять, а поняв, легче перенести то тяжкое бремя, что легло на ее юную душу. Если бы ей были преподаны “истинные знания и мудрость, ведомые великим мужам”, она бы сумела, наверно, познать тайны бытия!» [Там же. С. 346].

Очевидно, что оба героя уже внутренне готовы к постижению некоей истины, которая пролила бы свет на смысл их существования. В этом состоянии острого духовного голода любое серьезное внушение может явиться для них откровением. Для Пьера таким откровением становится встреча с одним из руководителей масонского ордена, для Мэгги – визит давнего друга их семьи Боба Джейкина с «пачкой книжек, перевязанных бечевкой» [Там же. С. 340]. И вслед за этим в руках героев оказывается одна и та же книга, которая подкрепляет новые убеждения Пьера и полностью перево-

рачивает сознание Мэгги Талливер. Эта книга – «О подражании Христу» Фомы Кемпийского (Томаса Хемеркена), немецкого католического монаха и писателя, созданная примерно в 1427 г.

Необходимо отметить, что в одинаковой сюжетной ситуации Элиот и Толстой все-таки по-разному расставляют акценты в отношении того, что стало главной причиной «обращения» героев. Для Пьера решающую роль играет разговор с Осипом Баздеевым, который хорошо понимает, что происходит в душе у Пьера, и прямо указывает на путь его «исцеления»: «Вы не знаете Его, оттого вы и несчастны» (10, 69), «помощь дается токмо от Бога» (10, 72). И уже вслед за этим потрясенный Пьер, приехав в Петербург, «стал целые дни проводить за чтением Фомы Кемпийского, книги, которая неизвестно кем была доставлена ему» (10, 73).

Новая жизнь Мэгги, напротив, начинается именно с чтения «О подражании Христу» – «старой, необычайно толстой книжки» с пометами неизвестного читателя: «...на многих страницах уголки были загнуты, и чья-то рука, давно обретшая вечный покой, жирно подчеркнула отдельные фразы чернилами, уже выцветшими от времени» [З. С. 349]. В лице этого прежнего владельца издания Мэгги также обретает учителя: читать она начинает именно эти «места, отмеченные спокойной рукой» [Там же]. Элиот изображает здесь своеобразный диалог неизвестного наставника и его юной ученицы, поскольку отрывки из книги Фомы Кемпийского, выделенные им, приводятся в тексте романа, перемежаясь с описанием психологической реакции героини. В двух объемных цитатах Элиот передает разрозненные, но точные фрагменты из религиозного труда, которые в совокупности образуют своего рода реферат, краткое изложение ключевых идей автора «О подражании Христу».

Этот безмолвный диалог героини и ее «наставника» весьма близок беседе Пьера с Осипом Баздеевым. В обоих «поучениях», которые получают герои, можно обнаружить одинаковые акценты. Так, с самого начала и «учитель» Мэгги, и «благодетель» Пьера угадывают недовольство молодых людей своей жизнью и указывают, что причина его – себялюбие и забвение истинных ценностей.

«Мельница на Флоссе»	«Война и мир»
Знай, что, возлюбя самого себя, сам себя наипаче всего уязвляешь... Ежели алчешь ты того либо иного, ежели туда либо сюда влечешься, дабы желание свое исполнить и вкусить уладу, ты не обрящешь покоя, не избавишься от тревоги: всегда чего-то будет тебе недоставать, всюду что-то будет тебе помехой... <...> От сего греха, от того, что человек чрезмерно самого себя любит, едва ли не все проистекает, что тебе надобно преодолеть... [З. С. 349–350].	– Погляди духовными глазами на своего внутреннего человека и спроси у самого себя, доволен ли ты собой. Чего ты достиг, руководясь одним умом? Что ты такое? Вы молоды, вы богаты, вы умны, образованы, государь мой. Что вы сделали из всех этих благ, данных вам? Довольны ли вы собой и своей жизнью? – Нет, я ненавижу свою жизнь, – сморщась проговорил Пьер (10, 71).

В процитированной реплике Баздеева присутствует и еще одна весьма важная идея Фомы Кемпийского, многократно повторяющаяся в его книге «О подражании Христу»: умом, знанием и ученостью невозможно достичь мира в душе. «Он не постигается умом»; «высшая мудрость основана не на одном разуме» (10, 70), – последовательно указывает Пьеру его наставник. Та же мысль из книги «О подражании Христу» процитирована и в романе Элиот: «И ежели он [человек] достигнет всего знания, он еще далек от цели» [3. С. 351]. Показательно, что схожее рассуждение Фомы Кемпийского Толстой поместит позже в сборник мудрых мыслей «На каждый день» (1906–1910): «Лучше овладеть с смирением малой долей здравого смысла, чем с самодовольством величайшими сокровищами наук. Нет ничего дурного в учености, и всякое знание чего бы то ни было приятно само по себе, но добрая совесть и добродетельная жизнь всегда должны быть поставлены впереди знаний» (43, 98).

Одинаково акцентируется в текстах обоих «поучений» и необходимость вспомнить о страданиях других людей. Правда, Толстой, в отличие от Фомы Кемпийского, персонифицирует этих «других», упоминая в речи Баздеева о тяжелом труде крепостных крестьян Пьера. Тем не менее в обоих случаях героев побуждают забыть о собственных муках и обратить свой взор вовне.

«Мельница на Флоссе»	«Война и мир»
«Страдания твои ничто рядом со страданиями тех, кому выпало страдать так много, кто так сильно искушаем был, кому причиняли столь нестерпимые мучения, кого подвергали всяческим испытаниям. Посему должно тебе вспомнить о более тяжких мытарствах других, дабы легче тебе было вынести не столь тяжкие страдания, выпавшие на твою долю» [3. С. 350].	– <...> Вы получили богатство. Как вы употребили его? Что вы сделали для ближнего своего? Подумали ли вы о десятках тысяч ваших рабов, помогли ли вы им физически и нравственно? Нет. Вы пользовались их трудами, чтоб вести распутную жизнь. Вот что вы сделали. Избрали ли вы место служения, где бы вы приносили пользу своему ближнему? Нет (10, 71)

И наконец, главный пафос обоих наставлений – необходимость отречься от своих желаний, обратиться к Богу и смиренно трудиться над познанием его истин.

«Мельница на Флоссе»	«Война и мир»
«И внизу и вверх, по какому пути ты ни пойдешь, всюду ожидают тебя испытания и всюду терпение иметь должно, ежели ты ищешь мира души и вечного венца... Ежели жаждешь ты высоты достигнуть, должно тебе преисполниться мужества и с корнем исторгнуть из сердца своего и истребить всю таящуюся там чрезмерную любовь к самому себе и ко всем земным благам. ...И когда зло это превозможешь и подчинишь себе, наступит от того мир великий и спокойствие...» [3. С. 349–350].	– Вы не знаете Его, государь мой, и оттого вы очень несчастны. <...> Только внутренним очищением самого себя я могу до известной чистоты довести воспринимаемую влагу. <...> ...Необходимо очистить и обновить своего внутреннего человека... нужно верить и совершенствоваться. <...> Ты ненавидишь, так измени ее, очисти себя, и по мере очищения ты будешь познавать мудрость (10, 69–71)

Интересно, что речь Осипа Баздеева даже стилистически схожа с текстом книги «О подражании Христу». Труд Фомы Кемпийского, композиционно напоминающий Библию (главы с названиями, относительно короткие пронумерованные параграфы), в то же время изобилует вопросами и восклицаниями, обращенными прямо к читателю: «Что ты здесь вокруг озираешься? не здесь тебе место упокоения. В небесных должно быть жилище твое, и точно страннику в пути надо тебе смотреть на все, что видишь. Все проходит, и ты со всем вместе проходишь. Берегись, не останавливайся: прилепишься и погибнешь! Ко Всевышнему да будет помышление твое, и молитва твоя да восходит ко Христу непрестанно» [5. С. 62]. Очевидно, что эта эмоциональность и своеобразная интимность в обращении к своему потенциальному ученику вкупе со строгой торжественностью проповеди отражены Толстым и в репликах «одного из известнейших масонов» (10, 72). Особенно отчетливо это проявляется в эпизоде, когда Баздеев неожиданно переходит на «ты» в разговоре с Пьером и отстраненно-вежливое общение с графом Безуховым сменяет страстная риторика религиозного обращения: «Кого ты отрицал? – вдруг сказал он с восторженной строгостью и властью в голосе. – Кто Его выдумал, ежели Его нет? Почему явилось в тебе предположение, что есть такое непонятное существо? Почему ты и весь мир предположили существование такого непостижимого существа, существа всемогущего, вечного и бесконечного во всех своих свойствах?..» (10, 69).

Следует отметить, что книга Фомы Кемпийского действительно была одной из «настольных» для масонов. Об этом свидетельствует, например, «систематический список особенно рекомендуемых орденоскими надзирателями книг» [6], о котором пишет в своей диссертации о масонстве Г.В. Вернадский, известный русский историк начала XX в. Автор труда «О подражании Христу» назван здесь первым в списке «Для мастеров». Книга Фомы Кемпийского была также первой частью «Избранной библиотеки», которую в 1784 г. представитель масонов отвез цесаревичу и будущему императору Павлу I в надежде, что он согласится возглавить орден. Можно предположить, что сочинение Фомы Кемпийского особо ценилось среди российских «вольных каменщиков» именно за ту силу эмоционального воздействия, которой удалось достичь средневековому автору. На это главное качество книги «О подражании Христу» указывает и В.А. Захаров: «...она написана простым языком, говорящим и обращенным непосредственно к чувству читателя»¹ [5. С. 24].

Искренность «учителя», его убежденность в своей правоте подкупает и героев Элиот и Толстого. Оба писателя делают акцент на том, что Мэгги и Пьер воспринимают открывшиеся им истины не столько разумом, сколько

¹ В предисловии к современному изданию книги Фомы Кемпийского В.А. Захаров приводит еще один любопытный исторический факт: в 1810-е гг. перевод труда «О подражании Христу» выполнил не кто иной, как М.М. Сперанский, который активно «пользовался ею в практической жизни». В частности, «...с помощью мыслей, выраженных Фомой Кемпийским, он приводил к православию людей... потерявших всякую надежду» [5. С. 19].

чувством. Именно поэтому оказывается схожим психологическое состояние героев в тот момент, когда они осознают, что нашли ответ на вопрос о том, как следует жить.

«Мельница на Флоссе»	«Война и мир»
Странный трепет охватил Мэгги, трепет благоговения и страха, словно ее разбудили ночью звуки торжественной музыки, говоря ей о существах, чьи души бодрствуют, в то время, как ее душа погружена в оцепенение. Она читала все дальше и дальше, переходя от одной выцветшей пометки к другой, словно ведомая спокойной рукой, почти не сознавая, что она делает, – ей чудилось, что она слушает чей-то тихий голос... [З. С. 350].	Пьер, с замиранием сердца, блестящими глазами глядя в лицо масона, слушал его, не перебивал, не спрашивал его, а всей душой верил тому, что говорил ему этот чужой человек. Верил ли он тем разумным доводам, которые были в речи масона, или верил, как верят дети интонациям, убежденности и сердечности, которые были в речи масона, дрожанию голоса, которое иногда почти прерывало масона, или этим блестящим, старческим глазам, состарившимся на том же убеждении, или тому спокойствию, твердости и знанию своего назначения, которые светились из всего существа масона и которые особенно сильно поражали его в сравнении с своей опущенностью и безнадежностью; – но он всей душой желал верить, и верил, и испытывал радостное чувство успокоения, обновления и возвращения к жизни (10, 70).

Сходство психологических приемов Толстого и Элиот в этих фрагментах выражается в воспроизведении двух одинаковых физических реакций героев. Во-первых, они оба замирают: «странный трепет», охвативший Мэгги, «замирание сердца» и блеск глаз Пьера – показатели переворота, совершающегося внутри героев. Во-вторых, оба обращены в слух и покорно подчиняются воле своих учителей, воспринимая их слова почти интуитивно, – поэтому Пьер «верил, как верят дети, интонациям, убежденности и сердечности» своего наставника.

Особенно интересна метафора «слушания» в отношении Мэгги, которая в реальности *читает*, т.е. воспринимает новые истины зрительно, – тем не менее «ей чудилось, что она слушает чей-то тихий голос» [З. С. 350]. Более того, слова автора книги уподобляются в ее сознании «звукам торжественной музыки» [Там же] – это почти Божий глас, снизошедший свыше, или церковная литургия, которая свершается для нее одной.

Немаловажно, что в обоих фрагментах вполне определенно очерчен и духовный облик того, что становится учителем героев, – в случае с Мэгги в этом образе сливаются и автор книги, Фома Кемпийский, и ее прежний владелец. Психологической доминантой обоих становятся спокойствие и уверенность в своей правоте. Это качество также определяет силу воздействия на молодых героев: «спокойствие, твердость и знание своего назначения»¹ Баздеева «особенно сильно поражали» Пьера в сравнении с его «опущенностью и безнадежностью» (10, 70).

¹ Здесь и далее в цитатах, помимо отдельно оговоренного, курсив наш.

В «Мельнице на Флоссе» ту же спокойную твердость незримого учителя Мэгги создает целый комплекс мотивов: и «вечный *покой*» [3. С. 349], уже давно обретенный автором помет; и «жирно» подчеркнутые чернилами фразы, что также свидетельствует об уверенности в их важности; и, наконец, прямое указание на то, что Мэгги читала «места, отмеченные *спокойной* рукой» [Там же]. В приведенном выше отрывке этот эпитет повторяется: «словно ведомая *спокойной* рукой» [Там же. С. 350].

Однако если вернуться к содержанию книги Фомы Кемпийского, то можно констатировать то, что герои Толстого и Элиот извлекают из нее разные истины. Пьер, читая «О подражании Христу», «понимал неизведанное еще им наслаждение верить в возможность достижения совершенства и в возможность братской и деятельной любви между людьми, открытую ему Осипом Алексеевичем» (10, 73). Мэгги же «впервые... увидела, что можно иначе посмотреть на исполнение своих желаний, отрешиться от самой себя и взглянуть на свою жизнь как на ничтожную частицу целого» [3. С. 351]. Риторика Фомы Кемпийского устремляет Пьера в общество, к деятельной помощи людям; Мэгги же она приводит лишь к ревностному смирению, не спасая от одиночества: никто из близких не понимает смысла ее крайнего самоуничтожения, а реальная попытка помочь семье путем поиска работы приводит к выговору от брата.

Однако в «Войне и мире» есть еще один герой, который читает Фому Кемпийского и воспринимает его учение так же, как Мэгги. Это княжна Марья. Если для героини Элиот религиозное самоотречение и «ревностное и неусыпное» чтение Библии и книги «О подражании Христу» лишь один из этапов развития, то для Марьи Болконской это неотъемлемая и органичная часть внутренней жизни, основа ее мировосприятия. Симптоматично, что эта черта была зафиксирована Толстым в первой же черновой характеристике героини: «старая дева, спасающаяся *самоотвержением*» (13, 13).

Из окончательного варианта «Войны и мира» факт чтения княжной Фомы Кемпийского был исключен, однако он присутствует в черновике первого тома, а именно в письме Марьи Болконской к Жюли Карагиной. Это письмо, по сути, является первой развернутой характеристикой героини. Комментируя подарок Жюли, книгу «Ключ таинства», княжна выражает свое сомнение в необходимости мистических толкований Библии и добавляет: «Будем читать лучше Апостолов и Евангелие» (9, 114). В черновом варианте Марья Болконская рекомендует Жюли и «другие превосходные книги, чтение которых нам полезно», прибавляя: «Книги эти – ясны, в них пишется только о том, что нам должно знать...» (13, 251). В качестве примера героя называет «превосходное сочинение преподобного отца Иннокентия Каменщика¹», в которое вошли извлечения из ряда религиоз-

¹ Перевод имени дан по Полному собранию сочинений Л.Н. Толстого. Вероятнее, правильное было бы называть автора упоминаемой книги Иннокентий ле Массон (1627–1703, французский священник-картезианец и писатель).

ных трудов, в том числе – «О подражании Христу». Княжна Марья советует подруге «поискать» его «в книжных лавках Петербурга», в случае успеха «купить тотчас же» и «оставить... у себя» (13, 251).

Появление книги Фомы Кемпийского в круге чтения княжны Марьи было обусловлено, конечно, не одним лишь знакомством Толстого с «Мельницей на Флоссе». Издание «О подражании Христу» (1775 г., на французском языке) хранилось в личной библиотеке матери писателя Марии Николаевны Волконской, которая, как известно, и была прообразом героини «Войны и мира». Как отмечает в своей статье Е.П. Гриценко, отец Марии Николаевны стремился дать ей разностороннее образование, и в числе прочего – «привить М.Н. Волконской интерес к чтению религиозно-нравственной и духовной литературы, дававшей ответы на вопросы о смысле жизни и назначении человека» [7. С. 57]. Труд Фомы Кемпийского содержался в каталоге яснополянских книг, составленном матерью Толстого в 1811–1813 гг., и входил, по словам Е.П. Гриценко, в число «философских произведений, изучаемых М.Н. Волконской в то время и повлиявших на ее духовное развитие» [Там же. С. 58].

Толстой и сам не раз обращался к книге «О подражании Христу» на протяжении своего творческого пути: он помещает цитаты из произведения Фомы Кемпийского в сборники «Мысли мудрых людей на каждый день» и «Круг чтения»; кроме того, он упоминает имя средневекового мыслителя в статье «Царство Божие внутри нас», а название его книги – в черновом варианте романа «Воскресение». В письме от 1904 г. писатель указывает, что послал «подражанье Христу» Марии Михайловне Толстой, жене своего брата Сергея. В другом, более раннем, письме от 1889 г. Толстой просит прислать ему дешевых книг, выпущенных издательством «Посредник», попутно высказывая свое отношение к сочинению Фомы Кемпийского: «Кроме того подражанье Христу, Мучеников и еще кое-чего из крупных, хоть не хороших, но безвредных» (64, 331).

Уже эти факты демонстрируют, сколь противоречиво было отношение Толстого к труду средневекового мыслителя. Характерно, что до момента духовного кризиса писатель вообще не упоминает имя Фомы Кемпийского – лишь его появление в тексте «Войны и мира» свидетельствует о раннем знакомстве с книгой «О подражании Христу». Однако и здесь она связывается Толстым, прежде всего, с учением масонов, которое писатель в романе подвергает откровенной критике¹. Симптоматично и то, что труд Фомы Кемпийского исключается писателем из круга чтения княжны Марьи. Вероятное объяснение этому можно увидеть в статье «Царство Божие внутри нас», где Толстой с сожалением замечает: «Все эти добрые люди, –

¹ В процессе подготовки «Войны и мира» писатель еще более откровенно высказывается о российском масонстве. Об этом свидетельствует известный пассаж Толстого в письме к жене от 15 ноября 1866 г.: «После кофею пошел в Румянцевской музей и сидел там до 3-х, читал масонские рукописи, – очень интересные. И не могу тебе описать, почему чтение нагнало на меня тоску, от которой не мог избавиться весь день. Грустно то, что все эти масоны были дураки» (83, 129).

как оба Франциска, d'Assise и de Lobes, наш Тихон Задонский, Фома Кемпийский и др. были добрые люди, несмотря на то, что они служили делу, враждебному христианству, и они были бы еще добрее и достойнее, если бы не подпали тому заблуждению, которому служили» (28, 56). Почти дословно эта фраза повторяется писателем в сборнике «На каждый день», над которым он работал в 1900-е гг. Тем самым Толстой фактически подтверждает, что его отношение к Фоме Кемпийскому осталось неизменным, хотя и размещает три его высказывания в книгах афоризмов¹.

Вероятно, эта диалектическая позиция Толстого связана с его противоречивым отношением к самой идее религиозного смирения. Если в поздний период критика Фомы Кемпийского могла быть связана с той важностью, которая придается в его книге церковным таинствам, отвергаемым Толстым, то в 1850–60-е гг. писателю, видимо, казалась неприемлемой сама мысль о необходимости добровольного отречения от полноценной жизни, радости познания, любви и созидательного труда. Подтверждение тому можно увидеть, например, в черновых вариантах повести «Детство», где герой замечает: «В смирении я всегда нахожу подавленное стремление гордости» (1, 153); или в одной из педагогических статей конца 1850-х, где Толстой саркастически пишет: «...нравственные вопросы и сомнения мучат Федьку, а вы хотите дать ему три рубля, катехизис и историйку о том, как работа и смирение, которых вы сами терпеть не можете, одни полезны для человека» (8, 48). Это объясняет и то, почему писатель выделяет в «Мельнице на Флоссе» именно реплики Филипа, страстно опровергающего слова Мэгги, навеянные чтением Фомы Кемпийского: «Я раньше думала, что не смогу примириться с жизнью, если каждый завтрашний день будет походить на вчерашний... Но, Филип, милый, я думаю, мы всего лишь дети под присмотром того, кто мудрее нас. Не правильнее ли всецело смириться с тем, что нам не все дано? Я нахожу в этом покой последние два-три года... я даже радость нашла в отказе от своей воли» [3. С. 397]. «Радость и мир – не в смирении», – отвечает на это Филип, и с ним, очевидно, соглашается Толстой.

В этом смысле тот факт, что писатель исключает упоминание о книге Фомы Кемпийского из «белового» варианта письма княжны Марьи, может

¹ «Чем глубже спускается человек в самого себя и чем ничтожнее он представляется себе, тем выше поднимается он к богу» (40, 143); «Лучше овладеть с смирением малой долей здравого смысла, чем с самодовольством величайшими сокровищами наук. Нет ничего дурного в учености, и всякое знание чего бы то ни было приятно само по себе, но добрая совесть и добродетельная жизнь всегда должны быть поставлены впереди знаний» (43, 98); «Благо для человека переносить несчастья этой земной жизни, ибо это влечет его в священное уединение его сердца, где он находит себя как бы изгнанником из своей родной земли и обязанным не доверяться никаким мирским радостям. Благо для него также встречать противоречия и упреки, когда о нем дурно думают, говорят, хотя бы намерения его были чистыми и поступки правильны, ибо такой образ действий держит его в смирении и является противоядием пустой славы. Благо же это, главным образом, потому, что мы можем беседовать с свидетелем внутри нас, который есть бог, беседовать тогда, когда нас в миру презирают, не уважают и лишают любви» (45, 432).

быть и своеобразным отголоском помет писателя в «Мельнице на Флоссе». Как и Элиот, Толстой полагал, что отказ юной девушки от полноценной жизни «противен природе» [Там же. С. 399]. Поэтому, создавая образ Марьи Болконской, писатель использует тот же психологический прием, что и автор «Мельницы»: мысли, убеждения и поведение героини развенчиваются комментарием повествователя, обнажающим ее истинные желания, скрытые даже от самой себя.

Именно так описывается процесс преображения Мэгги под влиянием книги Фомы Кемпийского. Вначале Элиот фокусирует внимание на внешнем облике героини, устремленной к новой цели: «Мэгги глубоко вздохнула и откинула со лба тяжелые пряди, точно желая лучше разглядеть представшие ее взору видения» [Там же. С. 351]. Вслед за этим несобственно-прямая речь передает ее мысли в момент потрясения: «Так вот где сокрыт истинный путь, который позволит ей отказаться от всех других поисков – горние выси, коих можно достичь без помощи внешнего мира, вот его провидение, мощь и победа, завоевать которую можно силами, таящимися в ее душе: там высокий учитель ждет, дабы она приклонила к нему свой слух» [Там же].

Но уже через несколько предложений Элиот дает свою оценку обращению героини. Она акцентирует то, что Мэгги парадоксально отдается самоотречению со всей страстью своей души: «Сидя в сгущающихся сумерках, она со всей стремительностью пылкой мысли, которая рвется за пределы настоящего, строила планы самоуничтожения и беззаветной преданности богу, и в экстазе открытия отказ от себя казался ей путем к той внутренней удовлетворенности, которой она так давно и так тщетно ищет» [Там же. С. 351–352]. Финалом этого анализа героини становится однозначный авторский вывод: «Мэгги по-прежнему страстно мечтала о счастье и теперь объята была ликованием, ибо нашла ключ к нему» [Там же. С. 352].

Толстой точно так же показывает, что за внешним стремлением княжны Марьи к религиозному смирению кроется страстное желание земного счастья. Особенно очевидно это в эпизоде молитвы героини перед встречей с Анатолом Курагиным. Перемежая здесь прямую и несобственно-прямую речь княжны с авторским комментарием, Толстой создает психологически точную картину ее внутренних терзаний, противоречий, связанных с вынужденным подавлением своих душевных порывов. Уже в начале эпизода автор-повествователь прямо проговаривает, что «в помышлениях о браке княжне Марье мечталось и семейное счастье, и дети, но главное, сильнейшею и затаенною ее мечтой была любовь земная. Чувство было тем сильнее, чем более она старалась скрывать его от других и даже от самой себя» (9, 270). Однако героиня видит в этом лишь дьявольский соблазн, «злые помыслы» и просит у Бога помощи в том, чтобы «подавить в сердце своем эти мысли» (9, 270).

Ответ, который княжна Марья слышит «в собственном сердце», полностью совпадает с пафосом книги «О подражании Христу» Фомы Кемпийского, как ее цитирует Джордж Элиот в своем романе:

«Война и мир»	«Мельница на Флоссе»
«Не желай ничего для себя; не ищи, не волнуйся, не завидуй. Будущее людей и твоя судьба должна быть неизвестна тебе; но живи так, чтобы быть готовой ко всему. Если Богу угодно будет испытать тебя в обязанностях брака, будь готова исполнить его волю» (9, 270).	«Отрешиться от всего сущего, отрешиться от самого себя, истребить любовь к себе... Не раз я говорил тебе и днесь вновь я скажу сие – забудь себя, послушен будь воле всевышнего, и на душу твою снизойдет покой... Тогда все суетные мечтания, все греховные волнения и тщетные заботы улетят прочь, тогда безмерный страх покинет тебя и чрезмерная любовь умрет» [3. С. 351].

В финале эпизода Толстой точно так же, как Элиот, указывает на тщетность попыток смириться, которые предпринимает княжна Марья. Она выходит из образной с «успокоительной мыслью (но все-таки с надеждой на исполнение своей запрещенной земной мечты)» (9, 270). В этой фразе писатель совмещает два «пласта» сознания героини: «верхний», отражающий ее спокойную уверенность в божественной предопределенности, и «глубинный», где по-прежнему бушует страстное желание любви. Это скрытое желание настолько сильно, что потенциально может возобладать даже над нравственными убеждениями княжны Марьи. Об этом свидетельствует ее внутреннее признание в эпизоде открывшейся интрижки между Анатолом и мадемуазель Бурьен: «Может быть, и я сделала бы то же!» (9, 284). С.Г. Бочаров в своей книге о «Войне и мире» справедливо указывает, что этот порыв в душе Марьи Болконской – «предвестие... того хаоса, который едва не повергнет в свою пучину позднее Наташу Ростову в ее истории с тем же Анатолом Курагиным» [8. С. 63].

Несмотря на то, что образ Наташи Ростовой не содержит никаких прямых отсылок к героине Элиот, именно он при типологическом сопоставлении оказывается наиболее близок образу Мэгги Талливер – и это могло быть еще одной причиной интереса Толстого к «Мельнице на Флоссе». Наташа также проходит через сильнейший жизненный кризис и получает свой урок смирения. Однако сближение двух женских образов, наиболее близких обоим авторам, начинается задолго до этого.

Как и в случае с княжной Марьей, сходство героинь проявляется уже в черновых набросках Толстого. Кратко описывая Наташу в ряду других характеров будущего романа, писатель делает акцент на эпитете «безумный»: «щедра безумно», музыку «понимает и до безумия чувствует», «вдруг грустна, вдруг безумно радостна» (13, 18). И точно так же в первой характеристике Мэгги Талливер, которую дает ей мать, героиня настойчиво сравнивается с «помешанной», «блажной»: «...Право, в некоторых вещах она самая настоящая дурочка; пошлешь ее за чем-нибудь наверх, а она забудет, за чем пошла, усядется на пол на солнышке и давай заплетать кося и петь про себя – как есть помешанная. <...> Не хочу роптать на провидение, а что ни говори, обидно – одна у меня дочь, и та блажная» [3. С. 14].

Обе героини впервые появляются в сюжете в детском возрасте: Наташе тринадцать, Мэгги девять. Схожи их внешние характеристики: «черноглазая» – первый эпитет, определяющий обеих; второй чертой становится не-

подобающая прическа. Элиот акцентирует внимание на «темных прядях, свисавших... на глаза» Мэгги [Там же. С. 15]; Наташа во время своего первого появления перед гостями предстает «с своими сбившимися назад черными кудрями» (9, 47). Однако гораздо важнее внешности общность характера героинь: Наташа – «некрасивая, но живая» (9, 47), а Мэгги – «страстная» героиня.

Важным для определения сущности двух образов является первое их появление в тексте: Наташа выбегает в гостиную с куклой и хохочет «так громко и звонко, что все... против воли рассмеялись» (9, 47). Мэгги входит в дом и сразу же выражает «страстный протест» против «глупого занятия» – шитья лоскутного одеяла, вызывая «громкий смех» отца [3. С. 15]. В седьмой главе и она появляется перед гостями в неподобающем виде, когда обстригает себе волосы с целью одержать победу «над матерью и тетками» [Там же. С. 79]. Но уже эти первые эпизоды из детства героинь показывают и разницу между ними: Наташа – всеобщая любимица, на ее живость и смелость родные смотрят с восхищением, и вплоть до своего взросления она постоянно находится в состоянии счастья и упоения жизнью. Доминантой образа Мэгги, напротив, являются страдание и неудовлетворенная жажда любви. Мать и брат Мэгги скорее равнодушны к ней и при этом нетерпимы к страстным порывам героини и ее неумеренности во всем. Мистер Талливер, хотя и любит свою «маленькую», не понимает всей сложности характера дочери и слишком погружен в свои заботы.

Острая жажда любви появится в характере Наташи Ростовой позже – в период ожидания свадьбы с Андреем Болконским: «Ей жалко было самое себя, жалко было, что она так даром, ни для кого, пропадала все это время, в продолжение которого она чувствовала себя столь способной любить и быть любимой» (10, 273). Эта вынужденная разлука, во многом, схожа с ситуацией из романа Элиот, когда Мэгги, испытавшая долгожданную радость взаимной любви, тут же вынуждена расстаться с Филипом и провести два долгих года в «захолустной школе» [3. С. 466] для девочек. Страстное желание жить и любить становится причиной последующего увлечения обеих героинь, приводящего Наташу и Мэгги на край падения, обрекающего на публичный позор. И именно эта кульминационная ситуация мучительной борьбы между страстью и долгом наиболее сближает образы героинь¹.

Стивен Гест, разумеется, совершенно иной образ по сравнению с Анатолом Курагиным, однако их привлекательность в глазах главных героинь вызывает одинаковое недоумение читателя. В «Мельнице на Флоссе» эта ситуация была отмечена многими исследователями и критиками. В их числе Б.М. Проскурнин и К. Хьюитт, которые в монографии, посвященной

¹ Не случайно Б.М. Эйхенбаум называл первую половину «Войны и мира» «английской» частью, основанной на традициях английского семейного романа, и отмечал, что «конец этого (второго. – И.Г.) тома доводит «английскую» часть романа до апогея [9. С. 498].

роману, замечают: «...Стивен привлекательный, беспечный молодой человек, ничем выдающимся ни интеллектуально, ни эмоционально не отмеченный... вряд ли хорош для гораздо более глубокой Мэгги» [10. С. 83].

Роковое очарование Наташи Анатолом и Мэгги Стивеном объясняется обоими авторами не только долгим периодом смирения их порывистой, живой натуры, но и неопытностью, незнанием света. Наташа встречается Анатоля в опере, где все происходящее на сцене кажется ей «после деревни... дико и удивительно» (10, 326). Элиот точно так же подчеркивает, что очарование Стивена и его откровенно «дилетантское» пение «не произвело бы сколько-нибудь заметного действия на рассудительную и благовоспитанную молодую леди» [3. С. 466], которая привыкла находиться в свете.

За первой встречей Наташи и Мэгги с героями, потрясшими их воображение, следуют почти аналогичные по содержанию эпизоды, передающие внутреннюю борьбу героинь между чувством и долгом – как перед своими прежними возлюбленными, так и перед родными. Здесь вновь прослеживается близость психологических приемов Толстого и Элиот. Погружение героинь в саморефлексию предваряется описанием физических примет их взволнованного и даже смятенного состояния. Мэгги, вернувшись в свою спальню, «не в силах была сразу раздеться и лечь в постель» [Там же]: «она принялась ходить по просторной комнате твердыми, решительными и быстрыми шагами, которые свидетельствовали о владевшем ею сильном возбуждении» [Там же]. Еще более порывисто реагирует на произошедшее Наташа: приехав домой, она словно опомнилась, «ужаснулась, и при всех за чаем... громко ахнула и покрасневшись выбежала из комнаты» (10, 333). Румянец стыда и нервно сжимаемые руки – второй признак, выдающий внутренние терзания обеих героинь. Элиот указывает, что «в блеске... глаз» Мэгги, «в лихорадочном румянце и в том, как, закинув назад голову, она *судорожно сжимала руки*, можно было прочесть, насколько она поглощена своими чувствами и мыслями» [3. С. 466]. Наташа «долго... сидела, *закрыв покрасневшееся лицо руками*, стараясь дать себе ясный отчет в том, что было с нею» (10, 333).

Второй этап погружения в мысли и чувства героинь – вопросы, которые они задают сами себе. В «Мельнице на Флоссе» Элиот в свойственном ей аналитическом стиле дает этот вопрос как несобственно-прямую речь, акцентируя его важность выделением в отдельный абзац:

«Что же произошло?»¹ [Там же].

Толстой использует прямую речь героини, усиливая драматизм ситуации намеренным нагнетанием целого ряда уточняющих вопросов, на которые Наташа не может найти ответ: «Что это такое? Что такое этот страх, который я испытывала к нему? Что такое эти угрызения совести, которые я испытываю теперь?» (10, 333).

¹ В оригинале этот вопрос усилен еще одним эпитетом: remarkable – выдающийся, замечательный. Буквальный перевод фразы «Had anything remarkable happened?» – «Произошло ли что-нибудь выдающееся?».

Психологически точным является изображение Толстым и Элиот одинаковой реакции героинь на эти вопросы: обе они стараются успокоить себя, уверить в том, что *ничего* не произошло. Это ложное «ничего» явно подчеркивается авторами:

«Мельница на Флоссе»	«Война и мир»
Что же произошло? Ничего, что вы могли бы признать хоть в какой-то мере заслуживающим внимания [З. С. 466].	«Погибла ли я для любви князя Андрея или нет? – спрашивала она себя и с успокоительной усмешкой отвечала себе: Что я за дура, что я спрашиваю это? Что ж со мной было? Ничего» (10, 334).

Вслед за этим обе героини пытаются вернуться к своему прежнему спокойствию. Характерно, что Мэгги пытается воскресить в своей душе прежнюю страсть к самоотречению, навеянную чтением Фомы Кемпийского: «несколько раз» она «мысленно возвращалась к тем временам, когда для нее радостью было бы любое самопожертвование, когда, как ей казалось, в ней угасли все ее стремления и порывы» [З. С. 467]. Обращает на себя внимание авторская ремарка «как ей казалось», указывающая на заблуждение Мэгги. Но сейчас героиня осознает тщетность надежды на спасение: «...это душевное состояние было утрачено безвозвратно, и Мэгги содрогнулась при воспоминании о нем. Ни молитвы, ни внутренняя борьба не вернут ей прежнего, пусть и мертвящего, покоя» [Там же].

Подобный процесс происходит и в сознании Наташи Ростовой. Она сопоставляет свое нынешнее и прошлое душевное состояние, «себя» прежнюю и «себя» после встречи с Анатолем, спрашивая, может ли князь Андрей любить ее «*такою*»¹ (10, 334). И чувствительная, как и у Мэгги, совесть (или «инстинкт», как называет это Толстой) также не позволяет ей обмануть себя: «Наташа успокоивалась на мгновение, но потом опять какой-то инстинкт говорил ей, что хотя все это и правда и хотя ничего не было – инстинкт говорил ей, что вся прежняя чистота любви ее к князю Андрею погибла» (10, 334).

Отметим, что в предшествующей сцене, когда Мэгги еще находится в обществе Стивена, она также пытается бороться с увлечением, вспоминая Филипа и аналогичную Наташиной чистоту своих чувств: «...она вдруг почувствовала себя очень одинокой вдали от Филипа – только он один и любил ее той нежной, преданной любовью, которой ей так не доставало» [Там же].

Рефлексия героинь завершается одинаковым результатом: и Мэгги, и Наташа не могут совладать со своим чувством, они оказываются захвачены страстью, столь органичной для живого и пылкого характера обеих. Еще один общий элемент двух психологических описаний – это воспоминание о восхищенном взгляде героя. В обоих случаях этот взгляд становится ключевым элементом и предшествующих сцен, хотя в «Мельнице на Флоссе» эпизод встречи героев описывается преимущественно глазами Стивена:

¹ Курсив автора.

сначала он «взглядывал... украдкой» на Мэгги [Там же. С. 455–456], а «под конец... уже не смотрел на Люси» [Там же. С. 461]. Но следующая глава показывает, что Мэгги заметила это неотступное внимание и именно оно, наравне с пением Стивена и «необузданно-страстной и прихотливой музыкой Перселла» [Там же. С. 467], оказало столь чарующее воздействие на нее. Восхищенное лицо Стивена все время стоит у нее перед глазами: «она чувствовала, как из-под прямых, четко очерченных бровей на нее неотступно, хотя и украдкой, смотрят глаза, взгляд которых, казалось, перенял у голоса его способность рождать в душе отзвук» [Там же. С. 466].

Состояние «опьянения», в котором оказывается Наташа во время посещения оперы, также вызвано преследующим ее взглядом Анатоля. Этот взгляд – лейтмотив всей первой сцены обольщения: «он, почти улыбаясь, смотрел ей прямо в глаза восхищенным, ласковым взглядом» (10, 329), «не спускал улыбающихся глаз с лица, с шеи, с оголенных рук Наташи» (10, 331), «своими выпуклыми глазами спокойно и упорно смотрел на нее» (10, 332), «блестя своими глазами и нежно улыбаясь, смотрел на нее» (10, 333). И, несмотря на осознание своей «гибели» («Боже мой! Я погибла!») и чувство вины перед Андреем Болконским, Наташа не может избавиться от мыслей об Анатоле: «...и она опять в своем воображении повторяла весь свой разговор с Курагиным и представляла себе лицо, жесты и нежную улыбку этого красивого и смелого человека, в то время как он пожал ее руку» (10, 334).

Проанализированные сцены имеют, однако, и явное отличие. Мэгги еще не чувствует, что совершила что-то дурное: она очарована Стивеном, но не видит необратимости охватившего ее чувства. Ее терзания начнутся позже, когда она убедится, что непозволительная страсть укоренилась в ее душе и, главное, взаимна. Наташа, напротив, переживает в этом эпизоде всю сложность внутренней борьбы со своим увлечением. Позднее сомнений у нее уже не будет: она однозначно решит, что любит Анатоля, что «он добр, благороден, прекрасен, и нельзя было не полюбить его» (10, 343). Стремительность увлечения Наташи, как и очевидное желание Толстого оправдать свою героиню, напоминает о последней помете писателя в «Мельнице на Флоссе», где говорится как раз о необходимости снисхождения и понимания «особых обстоятельств, которые отличают жизнь данного человека».

Ситуация «преступления» героинь также имеет определенное сходство. В обоих случаях это побег: в «Войне и мире» – не осуществленный, а только запланированный; в «Мельнице на Флоссе» – не запланированный, но также не доведенный до конца. Однако для понимания сути сближения двух сюжетов более важным представляется рассмотреть то, как переживают обе героини кризис, последовавший за переломным эпизодом. Наташа оказывается спасена, по сути, тем же средством, что и Мэгги ранее: ее возрождает к жизни чувство религиозного смирения. Но процесс этот описывается Толстым с иными акцентами, чем в романе Элиот. Писатель подчеркивает его естественность и необходимость: это уже не «роль», которую когда-то от безысходно-

сти избрала для себя юная Мэгги, вкладывая «своеволие, гордость и порывистость даже в самоотречение» [3. С. 354].

Работа Толстого над эпизодом приобщения Наташи к церкви еще раз демонстрирует его отношение к самой идее смирения. Во-первых, писатель показывает искренность героини, ее острую жажду быть верной тому идеалу, который она наконец обрела: «Поспешно умываясь и с смирением одеваясь в самое дурное свое платье и старенькую мантилью, содрогаясь от свежести, Наташа выходила на пустынные улицы...» (11, 71). Во-вторых, описывая участие героини в церковной службе, Толстой указывает на источник ее чувства, на преклонение не перед доктриной, искусственно созданным учением, но перед самим Богом, перед великой тайной Бытия: «...новое для Наташи чувство смирения перед великим, непостижимым, охватывало ее, когда она в этот непривычный час утра, глядя на черный лик Божией Матери, освещенный и свечами, горевшими перед ним, и светом утра, падавшим из окна, слушала звуки службы, за которыми она старалась следить, понимая их» (11, 71).

Особенно очевидными эти акценты становятся при сравнении с черновыми вариантами третьего тома. Там Наташа гораздо больше напоминает юную Мэгги, увлеченную идеями Фомы Кемпийского. Ее смирение («смиренномудрие») несколько нарочито, оно идет не от сердца, а от разума: «Она испуганно – не проспала ли? – вскакивала, озябшая, умывалась, одевалась, и повязавшись платочком – «дух смиренномудрия», – вспоминала каждый раз Наташа, узлом завязывая вокруг себя ковровый платок» (14, 47).

Кроме того, из итогового варианта Толстой полностью исключает практически целый абзац, где делается акцент на аскетизме героини, ее отказе от всего земного: «Наташа со времени своего говения, хотя и с некоторыми отступлениями, продолжала исполнять те христианские обязанности, в неисполнении которых она так раскаивалась: она ела постное, ходила к обедне и старалась исполнять все 10 заповедей и, само собой, не раз отступала от них. Но одна только заповедь и заповедь, которая не была написана в числе 10, была всегда исполняема ею, и она ни разу не изменила ей. Это была заповедь смирения и отрешения от земных радостей» (14, 51).

Корректировка этого эпизода закономерна: идея «отрешения от земных радостей» не была органична мировоззрению Толстого и, конечно, характеру его любимой героини. Писателю важно было подчеркнуть, что искреннее смирение само становится для Наташи радостью: она жаждет «счастья приобщиться» (11, 72), во время службы «радостное и томительное чувство волновало ее» (11, 74). Симптоматично, что в приведенной цитате из черновика изначально фигурировало даже не «смирение»: Толстой исправляет на него слово «печаль». В такой редакции фраза об отрешении становится отсылкой к размышлениям Элиот о том, как Мэгги, внимая словам Фомы Кемпийского, «не видела того, что самоотречение неотделимо от печали – пусть мы несем эту печаль с охотой» [3. С. 352], а также словам Филипа, выделенным Толстым: «Смирение – это добровольное приятие боли, которая не утихает» [Там же. С. 397].

Интересно, что в черновом варианте главы о возрождении Наташи содержится и еще один зачеркнутый фрагмент, в котором Толстой открыто развивает понятия смирения и самоотречения: «Религия, охватывая каждого человека, редко человеку открывается всеми своими сторонами. Для одного – надежда будущей жизни, для другого – самоотвержение, для 3-го – мистическое объяснение всего, для 4-го – смирение» (14, 52). Эта фраза в итоге была заменена на другую: «Одно время жизнь ее была наполнена религией, которая открылась ей стороной смирения...» (14, 52). В этом схематичном описании способа спасения героини уже акцентируется *временность* данного периода в ее жизни. Смирение Наташи, как и масонство Пьера, наполеоновские мечты князя Андрея, война 1812 г. – только этапы в судьбе отдельных людей и большой истории, которые неизбежно сменяются новым жизненным циклом.

Дальнейший путь Наташи – наглядное подтверждение этой концепции Толстого: героиня не изменяет себе, не отдается религии целиком, не начинает видеть в ней единственный способ существования, как это представляется, например, княжне Марье. Смирение лишь позволяет ей вырваться из тупика и дает острое чувство сопричастности народному бедствию. Хотя, безусловно, героиня и вырастает духовно: об этом свидетельствуют и ее примирение с князем Андреем, и сердечная дружба с Марьей Болконской¹.

Совсем по-другому складывается судьба Мэгги Талливер после возвращения в родной город. Обреченная нести бремя людского презрения, героиня, тщетно «призывая на помощь терпение, боролась с собой» [3. С. 626]. Финальным витком этих мучений становится искушение обрести «вместо терпеливой и тяжелой борьбы восхитительную беззаботность» [Там же. С. 628], которое она испытывает, получив письмо от Стивена. В этот момент Мэгги почти готова откликнуться на его призыв, но ее сдерживает внезапное воспоминание о «словах, подчеркнутых спокойной рукой в маленькой старой книжке, которые она выучила наизусть когда-то <...>: “Я несу крест, я получил его из рук твоих, и я буду нести его до самой смерти, ибо ты возложил его на меня”» [Там же. С. 629].

Учение Фомы Кемпийского, которое вновь поддерживает героиню в финале романа, своеобразно «замыкает» ее духовный путь: Мэгги приходит к тому же, что и в детстве, и в ранней юности, – необходимости смирить страстные порывы, составляющие суть ее натуры. Но органичен ли этот дух самоотречения для героини? Да, отказываясь от счастья, Мэгги следует своим нравственным принципам – но не они одни вступают в про-

¹ Интересный анализ работы Толстого над эпизодом сближения Наташи и княжны Марьи предпринят в книге Э.Е. Зайдenschнур. Исследователь указывает, что в черновых вариантах романа писатель уделил гораздо больше внимания «религиозной настроенности» [11. С. 259] Марьи Болконской, которая ежедневно читала Евангелие и пыталась подтолкнуть к этому Наташу. Этот эпизод был закономерно исключен Толстым из окончательного текста: писатель вновь выбирает более естественный вариант интуитивного зарождения дружбы и взаимопонимания двух героинь.

тиворечие с ее чувствами и желаниями. Есть еще «трясина» бездуховной, мелочной и глубоко враждебной героине среды провинциального городка – фактор, о котором Элиот будет подробно размышлять в романе «Мидлмарч». И поэтому гибель Мэгги во время наводнения – финал, вызвавший столько негодования первых критиков романа¹, – предопределена не только «логикой развития характера героини» [10. С. 69], о чем справедливо говорят Б.М. Проскурнин и К. Хьюитт. Это еще и поглощение героини органичной ей природной стихией, в которой нет ни нравственных, ни социальных запретов. Разлившаяся река Флосс в финале становится воплощением той же страсти, что бушует в душе Мэгги, и одновременно – естественности, счастья, которое героиня обретает в момент прощального предсмертного объятия с братом². Такое завершение борений Мэгги – отголосок еще одной реплики Филипа, выделенной Толстым: «Никому не дано сил делать то, что противно природе».

Несмотря на разный исход, наводнение можно также сопоставить и с той стихией, которая меняет жизнь героини Толстого, – а именно войной 1812 г. Как Наташа, забыв свое несчастье, «с свойственной ей во всем страстностью» начинает руководить сборами в доме Ростовых, так и Мэгги со спокойствием и бесстрашием спасает семью Боба Джейкина, а затем плывет на мельницу к Тому. Как и Наташу, стихия уводит Мэгги «от той жизни, которой она страшилась» [3. С. 631], дает силы и мир в душе. Однако, в отличие от Толстого, Элиот так и не дает Мэгги реального «избавления» (так называется последняя часть романа) – им становится для героини только смерть.

Разумеется, восприятие Толстым романа Элиот не ограничивалось теми фрагментами, которые писатель выделил в тексте. Однако автору «Войны и мира» была, безусловно, чрезвычайно близка проблема выбора между страстью и требованиями морали, чувством и долгом, которая акцентирована в судьбе Мэгги Талливер. Толстой не мог не обратить внимания на то, что «Мельница на Флоссе», как никакой другой роман Джордж Элиот, сконцентрирована на изображении героини в кризисных ситуациях. Мэгги постоянно вынуждена выбирать, искать свой собственный путь, бунтовать и снова смиряться. Не менее важными для Толстого могли быть и используемые Элиот приемы психологического анализа, склонность писательницы глубоко и тщательно прорабатывать описание внутреннего состояния героини.

¹ В их числе были и авторы рецензий в российских журналах. М.Л. Михайлов, например, на страницах журнала «Современник» делал вывод о том, что «мисс Эванс (Мэри Энн Эванс – настоящее имя Джордж Элиот. – И.Г.) придала своему роману такой примирительный характер только из боязни оскорбить несколько одеревенелые понятия общества, посреди которого она живет» [12].

² Эта символика реки Флосс акцентирована Элиот уже в первой фразе романа: «По широкой равнине, раскинув зеленые берега, спешит к морю Флосс, и прилив, как нетерпеливый влюбленный, стремясь реке навстречу, сливается с нею в пылком объятии» [3. С. 7].

Проведенное исследование свидетельствует о сближении ключевых образов «Мельницы на Флоссе» и «Войны и мира» Толстого, а также связанных с ними «узловых» ситуаций, раскрывающих суть характеров. Как и Элиот, Толстой сначала показывает попытку героев спастись, найти нравственную опору в идее самоотречения и жизни для других, связывая ее с чтением книги Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Однако первое же столкновение с действительностью разрушает это мнимое смирение. Кульминацией сюжета, как и в «Мельнице на Флоссе», Толстой делает «великое искушение» чувственной страстью, с которой не в силах совладать героиня. При этом характерно, что, осуждая героев за увлечение идеями самоуничтожения, противными их пылкой натуре, оба автора с сочувствием относятся к другому их заблуждению, вызванному жгучей нереализованной потребностью во взаимной любви.

Сопоставительный анализ ключевых авторских идей и способов их художественного воплощения в романах «Мельница на Флоссе» и «Война и мир» существенно дополняет историю создания крупнейшего произведения Толстого, а также вносит весомый вклад в понимание сути своеобразного творческого диалога русского писателя с Джорджем Элиот.

Литература

1. *Eliot G.* The Mill on the Floss. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1860. 2 vol. (Collection of British authors; Vol. 509–510).
2. *Cooper L.* George Eliot. Harlow, 1970. 40 p.
3. *Элиот Дж.* Мельница на Флоссе. СПб, 2014. 640 с.
4. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
5. *Фома Кемпийский.* О подражании Христу. М., 2004. 230 с.
6. *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. М., 2014. 267 с. URL: <https://e-libra.ru/read/388297-russkoe-masonstvo-v-carstvovanie-ekateriny-ii.html> (дата обращения: 22.10.2019).
7. *Гриценко Е.П.* Традиции образования в семье Л.Н. Толстого // История. Исторические источники. 2017. № 1. С. 55–64.
8. *Бочаров С.Г.* Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1978. 103 с.
9. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009. 952 с.
10. *Проскурнин Б.М., Хьюитт К.* Роман «Мельница на Флоссе»: Контекст. Эстетика. Поэтика. Пермь, 2004. 92 с.
11. *Зайденинур Е.Э.* «Война и мир» Л.Н. Толстого: Создание великой книги. М., 1966. 403 с.
12. *Михайлов М.Л.* Новый роман Джорджа Элиота // Современник. 1860. № 9. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlow_m_l/text_1860_novy_roman_elliota_oldorfo.shtml (дата обращения: 17.10.2019).

Between Humility and Passion: George Eliot's *The Mill on the Floss* and Leo Tolstoy's *War and Peace* (Based on Materials from the Yasnaya Polyana Library)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 120–144. DOI: 10.17223/19986645/64/9

Irina F. Gnyusova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: George Eliot, Leo Tolstoy, *War and Peace*, Yasnaya Polyana library, Thomas à Kempis, humility.

The aim of the article is the analysis of Leo Tolstoy's marginalia in George Eliot's *The Mill on the Floss*. The novel's edition in English of 1860, stored in the Yasnaya Polyana library, became the basis of the analysis. The highlighted fragments are united by a common subject: this is a debate about the need for renunciation and immutable adherence to one's duty. The author of the article attempts to prove that the writer's close attention to the subject of humility of the young heroine is reflected in the novel *War and Peace*. The essence of the character of Maggie Tulliver—a hot-tempered, passionate nature, constant self-reflection—is dispersed in three Tolstoy's characters: Pierre, Princess Maria and Natasha. An essential basis for the question is Thomas à Kempis's work *The Imitation of Christ*. Both Maggie and Pierre read this book in the period of crisis; the teaching of Thomas à Kempis marks their insight and turning to a new spiritual doctrine. The methods of the psychological description of the characters at the moment of their "dialogue" with mentors are similar. The study of the draft versions of *War and Peace* revealed that originally Princess Mary was also the reader of *The Imitation of Christ*. Tolstoy deletes the mention of this fact, probably because of his complicated attitude towards the idea of religious humility and Thomas à Kempis himself: his critical statements evidence it. The idea of the need of voluntary renunciation of a full life, the joy of cognition and love seemed unacceptable to the writer. Therefore, Tolstoy used the same psychological technique as Eliot, creating the image of Maria Bolkonskaya: the character's convictions are debunked by the narrator's commentary. The character of Natasha Rostova is the closest to the main character of Eliot's novel. Natasha also goes through a severe crisis of life and gets her lesson of humility. The author of the article analyzes in detail scenes of Maggie's and Natasha's reflection after the first meeting with the heroes who caught their imagination. It is also important how both characters get over this crisis. Natasha is saved by the same means that Maggie had previously: a sense of religious humility revives her. Tolstoy's work on the episode of Natasha's rapture to church demonstrates his attitude to the idea of humility: the writer emphasizes its naturalness; the sincerity of the heroine; her adoration not of doctrine, but of God. And, most importantly, Tolstoy shows the temporariness of this period: humility does not become the meaning of Natasha's life. In Eliot's novel, on the contrary, the doctrine of Thomas à Kempis supports the character in the finale of the novel and as if "encloses" her path. However, Maggie's death shows that the path of renunciation is not organic for her. The flooded Floss River becomes the embodiment of the same passion that rages in the character's soul. In the final part of the research, it is concluded that the comparative analysis of the key author's ideas and methods of their creative embodiment in the novels *The Mill on the Floss* and *War and Peace* substantially complements the history of the creation of Tolstoy's largest work.

References

1. Eliot, G. (1860) *The Mill on the Floss*. 2 vol. Leipzig: Bernhard Tauchnitz. (Collection of British authors; Vol. 509–510).
2. Cooper, L. (1970) *George Eliot*. Harlow: Longman Group Ltd.
3. Eliot, G. (2014) *Mel'nitsa na Flosse* [The Mill on the Floss]. Translated from English by G. Ostrovskaya, L. Polyakova. St. Petersburg: Azbuka.
4. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: In 90 Vols]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
5. Thomas à Kempis. (2004) *O podrazhanii Khristu* [The Imitation of Christ]. Translated from Latin by K.P. Pobedonostsev Moscow: Russkaya panorama.
6. Vernadskiy, G.V. (2014) *Russkoe masonstvo v tsarstvovanie Ekateriny II* [Russian Freemasonry During the Reign of Catherine II]. [Online] Available from: <https://e-libra.ru/read/388297-russkoe-masonstvo-v-carstvovanie-ekateriny-ii.html>. (Accessed: 22.10.2019).
7. Gritsenko, E.P. (2017) Educational Traditions in the Tolstoy Family. *Istoriya. Istoriki. Istochniki*. 1. pp. 55–64. (In Russian).

8. Bocharov, S.G. (1978) *Roman L. Tolstogo "Voyna i mir"* [Leo Tolstoy's Novel "War and Peace"]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Eykhenbaum, B.M. (2009) *Lev Tolstoy. Issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy. Research. Articles]. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University.
10. Proskurnin, B.M. & Kh'yuit, K. (2004) *Roman "Mel'nitsa na Flosse": Kontekst. Estetika. Poetika* ["The Mill on the Floss": Context. Aesthetics. Poetics]. Perm: Perm State University.
11. Zaydenshnur, E.E. (1966) *"Voyna i mir" L.N. Tolstogo. Sozdanie velikoy knigi* ["War and Peace" by Leo Tolstoy. Creating a Great Book]. Moscow: Kniga.
12. Mikhaylov, M.L. (1860) *Novyy roman Dzhorzh Eliota* [George Eliot's New Novel]. *Sovremennik*. 9. [Online] Available from: http://az.lib.ru/m/mihajlow_m_l/text_1860_novy_roman_elliota_oldorfo.shtml. (Accessed: 17.10.2019).